

The image is a vertical poster. The top half is split into two panels. The left panel shows two soldiers in full combat gear, including helmets and face masks, looking forward. The right panel shows a soldier in similar gear, holding a rifle. The bottom half of the poster shows a cityscape with several multi-story buildings, some of which are on fire, with thick black smoke rising into the sky. The overall color palette is dominated by reds, oranges, and yellows, suggesting fire and conflict.

ДЖОРДЖ ФРИДМАН

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ

ГЕОПОЛИТИКИ

И БУДУЩЕЕ

МИРА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Джордж Фридман

**Горячие точки геополитики
и будущее мира**

«Алисторус»

2023

УДК 323
ББК 66.4

Фридман Д.

Горячие точки геополитики и будущее мира / Д. Фридман —
«Алисторус», 2023 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00222-240-7

Автор этой книги Джордж Фридман – американский политолог, директор частной разведывательно-аналитической организации «Стретфор», эксперт по геополитике. «Пограничные области – место смешения культур, однако это могут быть и места, где зарождаются войны. Это – „горячие точки“, – пишет он в своей книге. – Сегодня пограничные земли к западу от России стали такими „горячими точками“. Огонь уже появился, но всемирное пожарище еще не разгорелось». Где находятся другие потенциальные «точки возгорания», что ждет мир в будущем, случится ли новая мировая война? Дж. Фридман проводит подробный анализ прошлого и настоящего Евразии для ответа на эти вопросы. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 323

ББК 66.4

ISBN 978-5-00222-240-7

© Фридман Д., 2023

© Алисторус, 2023

Содержание

Часть 1. «Горячие точки» Европейского Союза	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Джордж Фридман

Горячие точки геополитики и будущее мира

Часть 1. «Горячие точки» Европейского Союза

Американские корни европейской интеграции

...Зима 1945–1946 годов в Европе оказалась одной из самых холодных за всю историю метеорологических наблюдений. Уголь был в дефиците, как и теплая одежда, и продукты питания. Бездомные беженцы в отчаянии разбрелись по Европе, представляя собой опасную, хотя и хаотичную, силу. В некоторых странах, особенно в Германии, создавалось впечатление, что не все смогут пережить эту зиму. В других местах – Франции, Британии – положение было несколько лучше: там была только крайняя нищета.

Все европейские общественные и государственные институты, которые еще как-то функционировали, базировались на остатках старых национальных государств. К формальной власти приводились правительства, как правило, состоящие из вернувшихся из эмиграции деятелей. Однако эти правительства практически ничего не могли сделать в борьбе с повсеместной гуманитарной катастрофой. На востоке объединяющей силой были советские оккупационные войска. На западе процветала фрагментация. Никому и в голову не приходило думать о каком-то объединении. Все мысли были только о выживании и формировании дееспособных национальных правительств.

Американцы не слишком задумывались, что может значить для них оккупация Европы. В наше время широко распространен миф, что США задумали начать холодную войну с СССР немедленно после окончания войны горячей. Если бы это было правдой, то мы бы не увидели такую значительную демобилизацию, какая прошла в американской армии.

Франклин Рузвельт искренне верил в Организацию Объединенных Наций, и каким бы сомнительным ни было ее истинное влияние на мировые дела, никакой альтернативной стратегии выработано не было. Соединенные Штаты только реагировали на события после того, как они произошли, временами очень непропорционально. И очень редко просчитывали свои шаги заранее. Потребовалось достаточно долгий период, чтобы американцы сменили свою стратегическую догму. Можно сказать, что хотя Рузвельт к тому моменту уже и умер, но его дух все еще управлял страной.

Так как США сохранили свое военное присутствие в Европе, причем войска располагались в самом центре всеобщего хаоса, то почти рефлекторно они почувствовали себя обязанными оказывать помощь. В самом деле, если изучить архивы Конгресса, относящиеся к тому времени, можно почувствовать искренность в желании сделать хоть что-то. Главным проводником помощи была Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (UNRRA). Первыми получателями помощи стали не немцы. Это было естественно и понятно. Было бы слишком жестоко по отношению к разоренным войной народам начать помогать Германии прежде всего. В конце войны американцы рассматривали сдающихся немцев как Разоруженные силы неприятеля (РСН), а не как военнопленных. По всем конвенциям рацион военнопленных должен был быть таким же, как и у американских военных. Предполагалось, что победители не обязаны обеспечивать РСН ничем. Однако зимой в начале 1946 года американцам стало ясно, что если так дело и будет продолжаться, то в Германии случится полномасштабная гуманитарная катастрофа, впрочем, как и в остальной Европе. Поэтому США начали организовывать помощь.

США разрывались между противоречивыми желаниями уйти, не ввязываясь в решение сложнейших послевоенных проблем, и остаться, а значит, помогать. Необходимость остаться исходя из стратегических соображений, пока еще не перешла в четко осознаваемое намерение. Это был выбор, сложность которого задним числом можно даже и не заметить. Или рассматривать его как составную часть американской стратегии ведения холодной войны. Однако это было лишь тем, что США сделали в то время и в том месте. В любом случае американская помощь в значительной степени способствовала созданию положительного образа Америки в глазах европейцев. Затраты на помощь были приемлемыми, а американское общественное мнение уже было сформировано в том духе, что «надо что-то сделать для этих бедных людей». Иногда действия США могут быть объяснены только чистым альтруизмом, хотя он никогда не бывает долгим.

Я помню семейную историю о времени, когда я еще был младенцем, а моя семья находилась в Вене в статусе беженцев. Мы получили сыр из американских излишков, поставки которых в 1949 году еще имели место. По словам родителей, это был не слишком хороший сыр насыщенного желтого цвета. Конечно, мне его мама не давала, но остальная семья с готовностью поглощала данный продукт. Вне сомнения, это были излишки висконсинского чеддера, которые правительство Соединенных Штатов выкупало в рамках помощи своим молочным фермерам и отправляло в Европу. Как бы то ни было, американское руководство предоставляло помощь тогда, когда мало у кого имелись ресурсы для этого. О том сыре еще долго вспоминали в нашей семье.

* * *

Через несколько лет щедрость уже являлась составной частью американской стратегии. К 1947 году для США стало со всей отчетливостью ясно, что СССР навязывает свою идеологию странам Восточной Европы и одновременно старается распространить собственное влияние, особенно в направлении Греции и Турции.

США начали разрабатывать планы противодействия тому, что они воспринимали как стратегию СССР. Состояние экономики Западной Европы было уже делом не простой благотворительности, а вопросом национальной безопасности Соединенных Штатов. Экономически слабая Европа могла стать зоной серьезных социальных потрясений, потенциально открытой для прихода к власти коммунистических партий. Западу нужно было наглядно продемонстрировать всем, что капитализм обеспечивает лучшее качество жизни для граждан, чем это мог сделать коммунизм. Даже более того, США отнюдь не хотели сдерживать СССР в одиночку и только за свой счет. В их интересы входило перевооружение Европы, что можно было сделать лишь на основе сильной экономики европейских стран. США наконец приступили к планированию (а не только к реагированию).

В 1947 году Уильям Клэйтон, заместитель госсекретаря США по экономическим вопросам, в своей записке в адрес Государственного секретаря Джорджа Маршалла писал:

«Без дальнейшей быстрой и масштабной помощи со стороны Соединенных Штатов экономическая, социальная и политическая дезинтеграция захлестнет Европу. Помимо ужасных последствий для будущего всего мира и глобальной безопасности, которые это будет иметь, ее непосредственное и скорое влияние на нашу собственную экономику будет также катастрофическим: рынок для излишков наших продуктов исчезнет, вырастет безработица, появится депрессия, бюджет окажется сильно разбалансированным, и все это на фоне громадного военного долга. Мы должны не допустить этого».

Далее он говорил:

«Такой план должен базироваться на Европейской экономической федерации на основе Таможенного союза Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Европа не сможет восстановиться

после войны и снова стать независимой, если ее экономика останется разделенной на множество водонепроницаемых отсеков, как имеет место сейчас».

Клэйтон был ключевым разработчиком плана Маршалла – попытки возродить экономику Европы с помощью денежных вливаний и поощрения торговли путем устранения барьеров. План Маршалла формализовал и значительно расширил рамки того, что США уже делали до его принятия в рамках противодействия распространению советского влияния. Фактически именно с этого плана началась европейская интеграция.

В окончательном тексте закона, который, по сути, вводил план Маршалла в действие, содержался такой пассаж:

«Памятуя о тех преимуществах, которые дает Соединенным Штатам существование большого внутреннего рынка, где отсутствуют какие-либо торговые барьеры, и веря в то, что подобные преимущества могут получить и страны Европы, настоящим провозглашается, что политикой народа Соединенных Штатов является способствование этим странам [получающим помощь в рамках плана Маршалла] в организации совместных усилий... которые быстро приведут к такой экономической кооперации в Европе, которая будет важнейшей основой долговременного мира и восстановления».

План Маршалла не предусматривал создания Соединенных Штатов Европы. Он даже не содержал никаких идей о формировании какой-либо общей административной системы в Европе. Но в нем было заложено представление о европейской зоне свободной торговли и о некоей организации, призванной координировать усилия стран по экономическому развитию. Беспешная торговля и скоординированная экономическая политика требовали наличия общности в интересах у участников этого проекта, если речь не могла идти об их полной идентичности. В этом состояла концепция будущего образования Европейского Союза.

* * *

Европейцы приветствовали американскую помощь, но планы США по европейской экономической интеграции вызывали у них большие сомнения. Особо в этом выделялась Великобритания, которая и так имела обширную зону свободной торговли в рамках своей империи, построенную вокруг общей валюты – фунта стерлингов. В 1947–1948 годах британцы еще не решались признать, что дни их империи сочтены. Империя пока казалась основой экономической системы, позволяющей устанавливать в своих рамках выгодные для себя валютные курсы. Для тех, кто тогда считал, что Британскую империю можно сохранить, развитие виделось как раз в экономическом отделении от остальной Европы.

Британия веками жила, отделенная Ла-Маншем от остальной Европы, и справлялась со всеми проблемами, пользуясь своим малоуязвимым стратегическим положением и закулисно управляя балансом европейских сил. Объединенный Европейский полуостров, включающий в себя Францию и большую часть Германии, становился реальной угрозой британским интересам. До этого Британия все время сохраняла известную дистанцию от них обеих, манипулируя франко-германскими противоречиями. Идея интеграции была отталкивающей до ужаса. От идеи оказаться зажатой между возродившейся Германией и Францией в рамках одной экономической структуры британцы рефлекторно отшатывались.

Великобритания находилась среди победителей во Второй мировой войне, что в общественном сознании давало стране право как минимум не сдавать свои позиции в мире. Британцы не принимали действительность, которая говорила, что империя обречена, а вековая стратегия государства перестала соответствовать реалиям. Американские идеи об европейской интеграции воспринимались на Британских островах как наивные и опасные. Имея очень глубокие союзнические отношения с США, Соединенное Королевство намеревалось принять участие в плане Маршалла, но на той же двусторонней основе и на тех же условиях, что были

во времена ленд-лиза, сохраняя при этом привилегированный характер этого партнерства, на которые другие европейские страны не могли бы претендовать. Британия ментально не могла примириться с тем, что ее опускают на один уровень с Францией и Германией, которые обе потерпели поражение в войне.

Франция также подозрительно относилась к планам кооперации, прежде всего потому, что они включали Германию. После трех войн французы не были заинтересованы в ее восстановлении. Все это усугублялось голлистским стремлением возродить всеобъемлющий суверенитет и особое положение своей страны. Но Франция де-факто была проигравшей, разгромленной и поэтому отчаянно нуждалась в помощи, которую мог предоставить план Маршалла, даже если сам этот план вызывал известную аллергию. Французы хотели сохранить свою империю, но при этом осознавали, что в одиночку они не то что империю не сохраняют – свою страну вряд ли отстроят.

Каким бы страхам по поводу восстановления немецкой мощи ни были подвержены французы, Соединенные Штаты взяли курс на отражение советской экспансии в Европе, а географическая карта бесстрастно показывала, что главный бастион для этого – Западная Германия. Для построения новых защитных линий требовалась новая немецкая армия и человеческий потенциал немецкого народа, а это означало, что была необходима сильная германская экономика. В 1947 году многим в Европе и в Штатах казалось, что новая война не за горами. Другие полагали, что единственным способом предотвратить эту войну являлось превращение Германии в передовую линию защиты от советской угрозы.

Французы быстро осознали эту логику, но их опасения по поводу ремилитаризации Германии и возрождения ее экономики понятны: это могло означать восстановление стародавней точки возгорания на франко-германской границе. Американские же интересы требовали не «войти в положение Франции», не «проявить уважение» к французским страхам, а решить проблему франко-германской вражды. Если бы сделать это не удалось, то Германия осталась бы разгромленной, расколотой и слабой, что автоматически ставило под большое сомнение возможность экономического возрождения всей Европы. Европейцам предлагалось смириться и с экономическим ренессансом Германии, и с вхождением этой страны в новые европейские структуры, то есть с ее интеграцией с другими европейскими государствами, в первую очередь с Францией. Американские замыслы предполагали не только воссоздание экономической взаимозависимости, но и образование новых формальных структур, привязывающих Германию и Францию друг к другу.

Французам все это решительно не нравилось, но они были реалистами. Они также осознавали, что европейская архитектура в целом требовала изменений, если делать ставку на совместное экономическое развитие и политику предотвращения новых войн. Несмотря на ненависть, которую французы исторически испытывали к немцам, объективные интересы Франции и Западной Германии совпадали. Политически же, если бы французскому правительству не удалось бы смягчить последствия послевоенной бедности и быстро ее преодолеть, то это могло бы открыть дорогу очень влиятельным французским коммунистам. А коммунистическое правительство Франции уж точно не стало бы противостоять советскому влиянию.

У французов были еще два важных соображения. Во-первых, при явном нежелании Британии интегрироваться Франция оставалась в новом объединении главной европейской силой. Очевидно, что лучше было возглавить процесс, нежели плестись в его хвосте. Во-вторых, французы понимали, что им не под силу восстановить реальный суверенитет в одиночку. Если бы Франция самоустранилась от интеграционных процессов, то подавляющая мощь США могла бы привести к таким действиям с их стороны, которые противоречили бы французским интересам при полной невозможности хоть как то влиять на ситуацию. Для создания каких-то сдержек и противовесов огромному американскому влиянию Франция нуждалась в коалиции с другими европейскими странами. Поэтому верным ответом на объективный вызов истории было

стать одним из лидеров интеграционных процессов и оказывать непосредственное воздействие на то, как будет выглядеть объединяющаяся Европа, а не «плыть по течению, как все» или, того хуже, попасть в некотором роде в самоизоляцию. Французы поняли все это достаточно быстро.

* * *

Американская стратегия отражения советского вторжения, если бы оно произошло, базировалась на том, что основную тяжесть боев должны были вынести союзники США. Американцы при этом сохраняли какие то свои силы в Европе, но они предназначались в основном для поддержки, воздушного прикрытия, обеспечения логистики. В крайнем случае допускалась возможность применения ядерного оружия. Любое советское вторжение считалось возможным только через Западную Германию, которую по этой причине обязательно нужно было вовлечь в систему западных альянсов. Территория Западной Германии будет, как предполагалось, основным театром боевых действий. Для реализации американской стратегии требовалось создать организации двух типов: военный союз, который объединил бы возрождающиеся армии европейских стран под общим командованием и при доминирующей роли Соединенных Штатов, и объединенную экономическую структуру. Германия должна была стать неотъемлемой частью обоих союзов.

В июле 1947 года представители европейских стран встретились в Париже и сформировали Комитет по европейскому экономическому сотрудничеству, который существенно отличался от того, что хотели американцы: никаких интеграционных и транснациональных органов по управлению восстановлением Европы не появилось. Он не обладал никакой реальной властью и являл собой некий форум представителей независимых государств, площадку для дискуссий и обсуждения совместных проектов. Тем не менее начало было положено.

Позднее в этом же году французы, несколько изменив свою позицию, выдвинули по сути совпавшую с американскими планами идею о плане Маршалла не только в целях сближения с Германией, но и как основу всего подхода к европейской интеграции. Пока Британия продолжала лелеять мечты о сохранении империи, пока Германия ждала решения собственной судьбы другими, пока вся остальная Европа так или иначе стремилась к восстановлению сомнительной довоенной модели устройства на континенте, Франция смогла первой вырваться из плена консервативных представлений и изменить свою позицию по принципиальным вопросам.

Заслугу в создании Евросоюза по праву приписывают Роберу Шуману, который в то время был премьер министром Франции и горячим сторонником европейской интеграции. Но за Шуманом стоял де Голль, который прекрасно осознавал три вещи. Во-первых, без США и системы коллективной обороны Европа не сможет противостоять Советскому Союзу. Во-вторых, чтобы НАТО стало эффективной структурой, Германию следовало возродить, а поэтому участие Франции в подъеме Германии и установление особых отношений между двумя странами были необходимыми шагами. И, наконец, третье: возглавив интеграционные процессы и обеспечив вовлечение Германии в свою орбиту, Франция сможет в известной степени занять доминирующее положение в Европе и использовать все это не только для противостояния Советскому Союзу, но и для того, чтобы некоторым образом сбалансировать излишнее влияние Соединенных Штатов. Дорога к этой цели была трудной, сам де Голль оказался не у власти по мере движения по ней, но он отчетливо понимал объективную стратегическую логику и французские интересы.

Личное влияние де Голля было большим, голлистское движение – мощным. Шуман стремился к Соединенным Штатам Европы. Де Голля эта цель никак не привлекала, но он желал расширения влияния Франции и поэтому предполагал использовать Европу во французских интересах. Неудивительно, что французы с готовностью вступили в союз с американцами в деле европейской интеграции. Франция фактически определила будущую модель

Европы в соответствии со своим видением: объединенная Европа, в которой ведущие государства используют ее возможности ради своего блага.

Это означало вступление в новую фазу европейской истории – объединение старых национальных, даже националистических интересов разных стран в рамках новой структуры, которая была призвана сбалансировать национализм с «панъевропеизмом». При этом предполагалось задействовать все движущие силы интеграции с учетом национальных интересов отдельных членов объединения. По крайней мере, так был задан вектор движения, а насколько далеко по этому пути можно было продвинуться, могло показать только будущее.

* * *

Французы сыграли решающую роль в создании Комитета, но сама Франция оставалась слабой, пребывая в плену одновременно и американского давления, и страха перед Советским Союзом. Некоторые участники дискуссий в рамках Комитета высказывали свое мнение о будущем устройстве объединенной Европы, но эти представления не были распространены достаточно широко и им не хватало некоего заряда энергии. Доминировали узкие национальные интересы, оппортунизм и чувство покорности перед лицом американского давления. Потерпевшие поражение в войне; страны, стоящие во главе рушащихся империй; государства, нуждавшиеся в коалициях для усиления своей роли, – все это было перемешано в процессе первых дискуссий по вопросам интеграции.

В конце концов и военную, и экономическую интеграцию возглавила Америка. Европейцы так и не смогли создать какое-то военное объединение вне НАТО. Им удалось выйти за рамки экономической интеграции, первоначально заданные американцами, в перспективе последующих пятидесяти лет. Но ее корни отчетливо прослеживаются до сих пор, и они произошли не из представлений, выработанных в головах европейских политиков. Все, чего достиг Евросоюз к настоящему времени, – это следствие той американской стратегии и того американского видения будущего.

В историческом тумане, в свете вновь появившихся мифов роль США в успехе интеграционных процессов часто забывается, так же как забывается и первоначальное серьезное сопротивление этим процессам со стороны самих европейцев.

Национализм и европейская интеграция

На что европейцы никак не желали пойти, так это на отказ от национальных суверенитетов, чтобы стать частью всеобъемлющей федерации. Конечно, отдельные политики, часто весьма влиятельные, приветствовали федеративное устройство Европы, но у них никогда не было возможности воплотить эти идеи в жизнь. Стремление к суверенитету было повсеместным, но наиболее сильно оно проявлялось в Великобритании, которая после победы в войне не могла смириться с мыслью, что она будет лишь одной в ряду европейских наций.

Даже когда стало ясно, что империю не удержать, британцы желали всячески ограничить свое участие в общеевропейских делах. Исторически британская внешняя политика строилась на постулате, что национальная безопасность страны обеспечивается балансом между различными центрами силы в Европе при том, что Британия в большинстве конфликтов играет роль арбитра или в крайнем случае вступает в коалиции, руководствуясь только своими собственными стратегическими интересами. В наступившей новой эпохе британцы видели свое место в балансировании между двумя сверхдержавами.

Франция не менее решительно отстаивала свой суверенитет, но не считала, что это противоречит ее глубокому вовлечению в общеевропейские дела. По мере того как Европа отстраивалась и процветание возвращалось, де Голль, вынужденный отойти от власти через некото-

рое время после окончания войны, предпринял шаги для возврата на политическую сцену. В 1958 году он вновь получил бразды правления в свои руки. Де Голль понимал, что если Франция хочет быть реальной силой, то ей следует встать во главе европейской коалиции. Реальная сила в международных делах означала способность самостоятельно иметь дело с СССР и проводить по отношению к нему свою собственную политику, а не следовать в фарватере США.

Де Голль увидел момент, когда критическая необходимость в американской поддержке исчезла. Европа со своим человеческим капиталом грамотно воспользовалась предоставленной финансовой помощью, поэтому европейская экономика с какого-то момента смогла развиваться самостоятельно, обеспечивая основу собственно европейской мощи. Теперь основная угроза для Европы стала видеться в конфронтации между СССР и США. По-прежнему вопросы войны и мира на европейском континенте находились в ведении Москвы и Вашингтона, а не европейских столиц. Де Голль, как новый лидер Франции, стремился вернуть европейский суверенитет и в этом вопросе, конечно, при решающем слове своей страны.

Де Голль хотел изменить европейскую повестку дня: из двустороннего противостояния она должна была превратиться в трехстороннюю сложную игру, в которой Европа, конечно, не будет занимать нейтральную позицию по вопросу противодействия советской экспансии, но и не останется в политически подчиненном положении у Соединенных Штатов, находясь во всецелой зависимости от американских оборонных возможностей. Де Голль, преследуя эти цели, распорядился, чтобы все военные силы НАТО оставили французскую землю в 1958 году. Франция не вышла из НАТО полностью, но через несколько лет покинула Военный комитет Альянса. Сотрудничество с НАТО продолжилось, существовали планы участия Франции в конфликте на стороне блока в случае войны. При этом де Голль сделал все, чтобы Франция и Европа принимали важнейшие решения самостоятельно, а не Вашингтон и не Москва за них.

* * *

Для получения возможности принимать свои решения де Голлю надо было разобраться с двумя проблемами. Во-первых, он пришел к выводу, что Европе нужно свое собственное ядерное оружие. Так как никаких общеевропейских атомных планов не существовало, он настаивал на том, чтобы небольшая французская ядерная программа была расширена. Аргументация де Голля заключалась в следующем: возможное советское нападение с массированным использованием обычных вооружений реально отразить только американским ядерным ударом. За которым последует такой же советский...

Де Голль не верил, что американцы будут рисковать, например, Чикаго исключительно для спасения Европы. Более того, он знал, что и Советам известно о такой американской позиции. Таким образом, американские ядерные гарантии Европе не казались абсолютно надежными. Надежными были бы собственные ядерные гарантии. Следовало дать понять СССР, что в случае реальной угрозы Европе с его стороны ядерное оружие будет применено самими европейцами перед лицом надвигающейся катастрофы с достаточной решительностью. Это должно было сделать Советы более осторожными в их европейской военной политике. Как сформулировал де Голль, Франция не нуждалась в силах, способных полностью уничтожить Советский Союз; Франции была необходима возможность только «оторвать руку» агрессора. Поэтому он настоял на независимой ядерной программе Франции, что привело к созданию французского атомного оружия.

Второй задачей, важность решения которой понимал де Голль, была европейская экономическая интеграция, в особенности установление теснейших связей между Францией и Германией. Последняя имела ключевое стратегическое значение в любой мыслимой войне, так как ее территорию нужно было защищать. Однако де Голль стремился к такому положению, чтобы эти две страны были в силах совместно защитить всю Европу. Франция и Германия

в разы превосходили по размерам, численности населения, экономической мощи остальные европейские государства. Де Голль соглашался с тем, что Британия останется вдалеке от политических проблем континентальной Европы – ему это было даже выгодно, поскольку в результате у Франции появлялось большее пространство для маневра. Привязывая Францию и Германию друг к другу, он формировал значительный центр силы, на который были вынуждены равняться другие страны Европы.

Де Голлю было ясно, что экономика Франции более не является достаточно современной и конкурентоспособной, а также что таковая быстро появляется в Германии. Он рассчитывал, что германское экономическое чудо, как его иногда называли, потащит за собой французскую экономику и приведет к ее преобразованию. Экономическая интеграция должна была дать синергию в росте экономической мощи и ослабить зависимость от Соединенных Штатов. Интеграция вела к созданию коалиции (причем необязательно в виде какого-то транснационального единого образования), которая могла бы вернуть вопрос защиты Европы от внешних угроз обратно в европейские руки.

В этих замыслах был еще один жизненно важный момент. Франция становилась доминирующей силой в Европе, а бурное экономическое развитие потенциально выводило Европу в разряд глобальных сил. Немцы получали прощение в рамках концепции отсутствия коллективной вины: современная Германия в целом не должна считаться виновной в преступлениях нацистов, преследовать надлежит только конкретных личностей, совершавших конкретные преступления.

Однако, несмотря на этот принцип, немцы в своих душах оставались с глубоким чувством вины за произошедшее, что, в свою очередь, естественным образом приводило к их отказу от каких-либо претензий на политическое лидерство, которое опять же само собой оказывалось у Франции. Германия просто не была способна стать геополитическим лидером в то время. Никакая другая европейская сила не могла сравниться с франко-германским союзом, который сулил громадные экономические выгоды от сотрудничества с ним и потенциально создание европейской оборонительной системы. Британия находилась в слишком двойственном положении, слишком завязана на Соединенные Штаты и слишком сильно сосредоточена на узконациональных интересах, чтобы как-то противодействовать складывающемуся на континенте союзу. Франция после поражения в войне и последовавшей унижительной оккупации умудрилась в конце концов оказаться, пусть формально, среди победителей, а теперь вставала во главе коалиции процветающих и к тому же дееспособных в военном смысле держав и уже была способна защищать свои новые глобальные интересы.

* * *

Однако все стало развиваться по несколько иному сценарию, нежели планировал де Голль. Немцы были слишком уязвимы на своих восточных границах (которые стали главной мировой точкой возгорания) и слишком подвержены американскому влиянию, чтобы заходить так далеко за пределы чисто экономической интеграции. Малые страны не горели желанием стать простыми сателлитами будущего франко-германского блока и рассматривали американское влияние как более ценное для себя, нежели возможное влияние нового европейского двустороннего объединения.

Кроме того, противоречия между «скрипучей телегой» французской экономики и блистательным «Мерседесом» новой немецкой оказались более фундаментальными, чем хотелось де Голлю. Громадьё голлистских планов мощной независимой Европы не суждено было сбыться.

Однако эти планы сыграли важнейшую роль источника наиболее амбициозных представлений о европейской интеграции, к тому же не навязанного извне, а имевшего чисто европей-

ские корни. Де Голль верил, что Европа не должна превратиться в простого американского сателлита. Германии и Франции следовало стать неотделимыми друг от друга ради блага и величия всей Европы, а также в целях окончательного преодоления национализма, который рвал континент на части начиная с 1871 года. Франко-германскому блоку предстояло превратиться в ось, вокруг которой вращалась бы остальная Европа в рамках общеевропейской интеграции.

Европейский Союз

Формально старт европейской интеграции был дан в 1957 году с подписанием Римского договора. Ему предшествовало создание в 1951 году Европейского объединения угля и стали. Римский договор пошел значительно дальше, расширив и углубив кооперацию стран Европы. Идеи и стремления, лежавшие в его основе, в конечном итоге привели к формированию Европейского Союза в его нынешнем виде.

Участниками Римского договора являлись шесть стран: Франция, Западная Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Конечно, самое важное было то, что он связывал Францию и Германию друг с другом. Бенилюкс был только небольшой пограничной территорией между этими двумя силами.

Для европейцев Римский договор означал в первую очередь соглашение между Францией и Германией, чьи столкновения, возникавшие вдоль линии их разграничения, оказывали решающее воздействие на Европу с 1871 года, а по сути – еще с эпохи наполеоновских войн. Основная цель образовавшегося Европейского (экономического) сообщества (ЕЭС), следующего шага в направлении создания Евросоюза, формулировалась в Римском договоре так: мир и процветание.

Тем самым европейцы провозглашали своим приоритетом безопасность и шансы на достойную жизнь. Однако в договоре была сформулирована также еще одна амбициозная цель: «тесный союз между народами Европы».

* * *

Можно проследить связь провозглашенных целей с последующими проблемами ЕЭС и его преемника – Евросоюза. Это объединение обещало мир и процветание, но путь к их достижению лежал через беспрецедентно близкий союз европейских народов. Границы сближения нигде не были упомянуты. Идея тесного союза приходила в противоречие с принципом уникальности наций и объективными различиями между ними. С другой стороны, как смогли бы Франция и Германия без тесного союза, имея такую историю, гарантировать всем мир и процветание? В общем, с самого начала идея европейской интеграции несла в себе это противоречие, которое до сих пор не нашло окончательного решения.

ЕЭС явилось также инструментом холодной войны. Франция и Германия были объединены друг с другом также в рамках НАТО. Германия выступала передовой линией, защищавшей североевропейскую равнину, Франция – тылом, куда при необходимости могло высадиться американское подкрепление. Включение Италии в НАТО и ЕЭС завершало картину. Италия была меньше других вовлечена в разработку Римского договора. Но участие этого государства во всех европейских объединениях являлось критически важным, так как оно представляло собой южный фланг НАТО, а за вычетом формально нейтральных Австрии и Швейцарии вхождение Италии в ЕЭС завершало формирование геополитической линии раздела всего Европейского полуострова.

Британцы остались за бортом ЕЭС. Они предпочли сохранить стопроцентный контроль над своей экономикой, несмотря на объективные преимущества, которые несла с собой форми-

рующаяся зона свободной торговли. Но одновременно с этими преимуществами участие в ЕЭС грозило сокращением британского экспорта. Еще в середине 1950-х годов британцы попытались создать собственную зону свободной торговли – так называемую Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), которая формально была образована в 1960 году и в которую вошли Великобритания, Австрия, Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Лихтенштейн и Португалия.

Отличия ЕАСТ от ЕЭС были очевидными: во-первых, в ассоциацию входило только одно крупное государство – Британия; во-вторых, она состояла из периферийных стран, причем даже находившихся вне Европейского полуострова. Таким оказался британский ответ на исторический интеграционный вызов, и продиктован он был опасениями по поводу чрезмерной вовлеченности в дела континентальной Европы. Британия намеревалась сохранять свой полный контроль над экономической политикой, даже будучи включенной в какие-то объединения, а достичь этого можно было только доминированием над «младшими партнерами» в этих объединениях.

В конечном итоге проект ЕАСТ провалился. Причиной этого, помимо других факторов, была оппозиция ему со стороны США и американская поддержка ЕЭС. Соединенные Штаты не желали видеть Европу фрагментированной. Их целям в большей степени соответствовали механизм, структуры и торговая политика ЕЭС, нежели ЕАСТ. А самое главное, США осознавали различия в географии двух объединений и понимали, что их стратегическим интересам отвечает ЕЭС. Образование ЕАСТ являлось попыткой предложить альтернативу процессам, происходившим на Европейском полуострове, которая, как оказалось, не смогла быть устойчивой.

ЕАСТ была последней попыткой Британии утвердить свои претензии на лидерство в Европе. Но империя находилась в конечной фазе своего распада, поэтому у британцев уже просто не хватило ни политических, ни экономических ресурсов, чтобы подкрепить эти претензии. Общее население стран, которые Британии удалось склонить к вступлению в ЕАСТ, составляло только 52 миллиона человек, в сравнении с 94 миллионами, еще находившимися в распоряжении империи. Эта элементарная арифметика наглядно иллюстрирует резкое снижение влияния Британии, способной сформировать вокруг себя только не слишком многочисленные объединения.

В конце концов все страны ЕАСТ (кроме Норвегии, Исландии, Швейцарии и Лихтенштейна) покинут ассоциацию и присоединятся к ЕЭС (или Евросоюзу). Оставшиеся членами ЕАСТ четыре государства доказывают лишь то, что международные организации обладают способностью никогда не умирать. Однако сама история и наследие ЕАСТ являются концентрированным выражением до сих пор никуда не девшегося стремления Британии получить некий особый статус внутри ЕЭС и пришедшего ему на смену Евросоюза и не быть излишне вовлеченной в дела континента. История тем не менее оказалась не на британской стороне. ЕЭС расширялось и в итоге превратилось в Евросоюз (ЕС).

Члены ЕЭС постепенно переходили к все более тесным и сложным отношениям друг с другом, но их число не увеличивалось до 1973 года, когда участниками организации, наконец, стали Великобритания, Дания и Ирландия. До 1991 года расширение шло постепенно и осторожно, к девятке присоединились только Испания, Португалия и Греция, которые доказали свое соответствие общим критериям. Сообщество не требовало от своих членов слишком многого, как и не предоставляло им существенно больше того, что предполагали принципы свободной торговли и заявленные цели обеспечения мира и процветания всех участников. За постепенностью и осторожностью стояло осознание беспрецедентной сложности европейского проекта – политической, исторической и географической, и спешка могла слишком сильно ему навредить. Однако со временем планы стали более амбициозными.

* * *

В 1991 году внутренний радикализм проекта формально вышел наружу. Это совпало по времени с окончанием холодной войны, а также всеобщим признанием сложившейся реальности, заключавшейся в том, что влияние США, под которым происходило становление ЕЭС, особенно в первые его годы, перестало быть значимым фактором и уступило место внутренней логике развития сообщества. В том году были сформулированы основные принципы Маастрихтского договора, появилась структура современного Европейского Союза.

Маастрихт – город на самом юге Голландии, расположенный прямо на границе с Бельгией. Совсем рядом проходит линия Арденнского леса, где началась Первая мировая война и закончилась (на Западном фронте) Вторая мировая. Он находится очень близко от немецкого Аахена, который в свое время был столицей Франкского государства Карла Великого. От Маастрихта всего около часа езды до Трира, где Константин основал свою первую столицу. В общем, это место можно рассматривать как сердце европейского полуострова – здесь произошел целый ряд важных событий и зародились основополагающие идеи о единой Европе.

Маастрихт также находится на территории исторической пограничной зоны между Германией и Францией, которая стала домом для многих институтов Евросоюза. (Европарламент официально располагается в Страсбурге во французском Эльзасе, Европейский совет – в Брюсселе.) В наши дни эта граница является абсолютно мирной, но на протяжении более чем века она представляла собой бурлящий котел. В общем, можно сказать, что если в Европе суждено воцариться миру и процветанию, то лучшее место для начала этого процесса найти было трудно. Маастрихт стал символом основания Европейского Союза. Не случайно, что образование ЕС произошло в географическом сердце Европы.

Маастрихтский договор, или официально «Договор о Европейском Союзе», был логичным продолжением и оформлением концепции «возрастающего сближения народов». Его основные положения выходили далеко за рамки чисто экономической повестки, хотя и в области экономики были сделаны радикальные шаги вперед. В договоре были глубочайшим образом проработаны социальные и политические сферы. И над всем этим главенствовали моральные и ментальные стороны интеграции. Маастрихтский договор фактически стал попыткой создания союза европейцев, а не просто европейских государств. Это означало, что европейская идентичность гражданина Евросоюза должна была стать не менее важной, чем его национальная идентичность. Европе предстояло превратиться не только в некую общность по географическому признаку, но и в общность близких и родственных культур, связывая всех европейцев и в этой плоскости. Появилось само понятие гражданина Евросоюза. Наряду с этим сохранялось национальное гражданство, а национальная идентичность каждого гражданина защищалась через ее преодоление.

Проект был очень близок к успеху. Мир начал воспринимать Европу как единое целое, а не просто как объединение независимых государств, в частности в политике. Но, наверное, самым главным было то, что, не отменяя национальной идентичности, поверх нее Евросоюз создал понятие «европейскости» и открыл европейцам дверь для осознания себя в каком-то смысле одним народом, имеющим общую судьбу. ЕС стремился представить национальную идентичность своих граждан в качестве ощущения этнических различий в рамках общей европейской культуры. Это действительно было громадным шагом вперед.

Интересно, что нечто похожее произошло в Северной Америке в результате Гражданской войны. До нее американец в большей степени отождествлял себя со своим штатом. В огне батальей появилось чувство принадлежности к единой нации, не стесненной границами отдельных штатов. Конечно, представить такой же сценарий в Европе трудно, реализовать – еще труднее. Во-первых, идею мира и процветания для общеевропейского союза нельзя было

воплотить через кровь. Во-вторых, различия между американскими штатами не были так глубоки и не лежали в плоскости вещей, которые практически невозможно изменить, таких как язык и культура. В Америке существовал конфликт по поводу отмены рабства и в отношении будущей структуры экономики. Эти проблемы было реально решить путем войны, то есть силовым навязыванием воли одной из сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.